

АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЕВ: ПО ТУ СТОРОНУ «ВРЕМЕНИ КОЛОКОЛЬЧИКОВ»

Двадцать лет прошло с тех пор, как стремительным полетом из окна оборвалась жизнь Александра Башлачева, загадочного СашБаша с его бубенцами и колокольчиками, последнего «проклятого» русского поэта, пронзающего пустоту обыденности острым первым своего мироощущения, завораживающего хриплым голосом и до боли невыносимым плачем души. Много слов было сказано о его творчестве, о том, что спел, и что не успел спеть или сказать. С дерзким равнодушием собрана его трагическая Жизнь и не менее трагическая Смерть по крупницам из воспоминаний. Но все воспоминания ограничены творчеством, и личность оценивается только с этой точки зрения.

С **Владимиром Федоровичем Олешко**, заведующим кафедрой периодической печати факультета журналистики Уральского государственного университета, беседует журналист **Сергей Дружинин**. Владимир Федорович вспоминает Александра Башлачева в студенческие годы, когда еще не было тех песен, которые так тщательно отыскиваются сейчас коллекционерами, и называет его просто — Саша, Санька...

— Я познакомился с Сашей в 1978 г. Мы жили в одном общежитии. Он учился на 1-м курсе журфака, а я учился на 3-м. Относился к нему, как к обычному первокурснику. У него в общежитии даже кличка была — Башлык. Почему я его, может быть, лучше знаю, чем других? Он учился вместе с моей женой Еленой, и в силу этих обстоятельств мы были лучше знакомы.

Познакомились мы вообще в колхозе, а в колхозе ведь все на виду. И мое первое впечатление... Представляете наши колхозные поля — грязь, холод, все в бушлатах. Вдруг приезжает мальчик, в пальто типа полущубок, дубленка такая искусственная, джинсы, кроссовки. Вот в этом он и приехал. Мало имел представления, что такое колхоз, наверное, этим и обратил на себя внимание. Видимо, в связи с такой его одеждой, он стал коноводом. Лошадь Анфиса у нас была — на ней он и работал какое-то время, воду развозил.

За время обучения и в общежитии — не сказать, что мы были друзьями, просто жили через комнату, через две. Общались, конечно. Нормальный парень, разговорчивый, как сейчас говорят, коммуникабельный. Все в меру: никогда не лез на рожон и в то же время адекватно реагировал, если с ним разговаривали. Из девчонок, чтобы с кем-то дружил, чтобы парами ходили — такого не помню. И вообще, была нормальная «общежитская» жизнь: картошку вместе варили, макароны жарили — такая в основном еда была.

Был такой случай, я сам не был свидетелем, но мой друг Олег Балезин (они с Сашей в одной комнате жили) рассказывал: приехал к Башлачеву друг, а ночевать негде, ходили-ходили и в итоге постелили себе на пол — спать-то надо было где-то. Но они не столько спали, сколько всю ночь разговаривали. Что за друг был? Может, Леня Парфенов... Я не знаю.

А однажды к нему, как мы говорили, «офигительная бикса» приехала. К первокурснику-то. Как сейчас помню: такая очень светловолосая девуш-

ка, выделяющаяся такая, питерского как бы направления, в белой дубленке — явно выделялась из числа всех. Очень красивая, и мы отмечали: «О, у Башлыка хороший вкус!».

Был активный, как это сейчас называется, в общественной жизни — во всех мероприятиях Саня был участником, в художественной самодеятельности, капустниках. Но за все это время я ни разу не слышал, как он поет и как играет на гитаре, потому что, как говорят, он еще не умел тогда играть.

Самый серьезный разговор у нас с ним состоялся, когда у них был выпускной в кафе «Киев», там, где сейчас «Сан Дэй». Это был 1983 год. Что там выпускной — пьянки, скакалки... Я смотрю, ему особо не сиделось: он выходил курить, я тоже в это время курил. Мы с ним достаточно долго говорили. О чем — я сейчас уже, конечно, не помню, все-таки это был разговор подвыпивших людей. Не о судьбоносных вещах, но разговор был интересным. Для меня он тогда открылся новой стороной — очень такой глубокий парень, нестандартный.

— Был ли Александр Башлачев чем-то особенно интересен, выделялся ли из всех, был ли необычен в поведении?

— Это как раз тот вариант: если ты жил с известным человеком, то и не подозревал, что этот человек будет известным.

Интересен и необычен он был в таком понимании: внешний вид всегда безупречен, с точки зрения «хипповости» — джинсы, длинные волосы, фикса золотая. «Неземной» прикид не только в одежде, но и с точки зрения выражения — это был человек, состоявшийся очень рано — знал свою цену, но, с другой стороны, не кичился этим.

Внутренняя работа, как я сейчас могу сказать, у него всегда была. Такого рода люди, они нестандартны с точки зрения того, что у них есть опора внутренняя: чем-то занимаются — стихи пишут, просто думают, для кого-то опора — большая любовь. Он тоже такой вот — не от мира сего, так я называю. У Саши это все было, это и примечательно. В принципе на журфаке много таких, и сказать, что он был вороной, — нельзя. Каждый был по-своему интересен, и вот на этом фоне он не был очень своеобразным.

— А какие-то музыкальные пристрастия Александра в то время можно выделить?

— Это было время «Машины времени» — всем она тогда нравилась, была чем-то необычным. Ну и, конечно, бардовская песня. У нас в общаге было очень много хороших исполнителей, которые пели серьезные вещи, не «попсу». Мода такая была: выходили с гитарами и пели. На Западе в то время популярным было диско. Время Битлов и «Rolling Stones» уже прошло, а хеви-металл не всем нравился. А пристрастий Саши я не знаю — никогда музыку вместе с ним не слушал.

— Когда Вы познакомились с творчеством Башлачева? Ваше отношение.

— Услышал поздно, году в 89–90-м, может раньше — кто-то принес записи магнитофонные, на «катушке» еще. Там было «Время колокольчиков» и другие песни.

Отношение нормальное. Не сказать, что поразился: о! да! откровения! Нет. У меня не было такого, что вот, это я первый заметил, я открыл.

Да, это отражение своего времени, неординарное. Да, оно говорит больше, чем мемуары и учебники истории. Башлачев — сын своего времени. Несет и пороки, и достоинства, которые сам смог выработать и преодолеть какие-то трудности. Это все дает возможность считать, что это яркое имя в музыкальной палитре России: отражение конкретного времени, отражение психологии, мироощущения человека, который пытается вырваться из тоталитарного государства.

Чем страшно тоталитарное государство? «Уравниловкой», «усредниловкой»... Башлачев чем отличался? — Ты почему оделся так? Ты должен одеваться как все. А как все? Это в серую, мышиную одежду. — Почему ты поешь песни про свои чувства? Кто ты такой? Ты должен петь о том, что у тебя было счастливое детство, БАМ героический, а дальше — «не расстанусь с Комсомолом никогда». А Саша вырывался из этих элементов, и в этом его достоинство.

Он не делал открытий, которые повернули весь мир куда-то, — не надо об этом говорить.

Я много сейчас занимаюсь психологией творчества и прихожу к таким выводам: а) творчество не бывает по заказу и б) творчество невозможно описать. Творчество — как свободное дыхание. Чтобы заниматься творчеством, необходимо иметь начальную базу и воспитать в себе внутреннюю культуру.

Для Башлачева было естественно творить так, а то, что мы описываем, — это уже наше, надуманное. Все аргументы — это только наши аргументы. Мы можем выдвигать гипотезы, но это не есть абсолютная истина.

Он достучался до Господа Бога, потому что Бог «спускал» ему благодарности в виде стихов, размышлений, откровений. Что такое «религиозное откровение»? Это когда человек долго молился, и на него снизошло просветление разума. Вот и Башлачев, может быть, страдал, может, переживал...

Для меня очень важно, что ему заложили основы творчества именно в Уральском университете. Все, что было до — это было интуитивно. Все, что после — это уже поиск себя. А вот база — это университет и факультет журналистики (который в этом году отметил свое 70-летие, кстати), и мы можем этим гордиться. Это очень важный момент для становления личности.

— **Что Вы думаете о гибели Александра? Было ли это самоубийство или несчастный случай?**

— Версий много. Но сказать конкретно — не могу. Это мог быть эмоциональный срыв, кризис, творческое бессилие — подобные люди (поэты, художники) очень сильно подвержены этому. Может быть, и самоубийство... Можно только прощать таких людей, потому что они заслужили прощение тем, что уже рвали свою душу, исцарапали ее всю, и здесь у них просто нет защиты, как у нормального, среднего человека. Мне кажется, бессмысленно говорить об этом. Для меня Саша — это не Александр Башлачев с его песнями, а прежде всего тот Саша, которого я знал, когда и я, и он были студентами.

В. А. Гавриков

ДИАЛЕКТИКА МЕТАФОРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЕВА

Творчество Башлачева — уникальный материал сразу по нескольким причинам. Назовем только одну из них, быть может, важнейшую: чтобы адекватно понять суть мифологической системы певца, мы должны обратиться к исторической поэтике во всей ее протяженности: от эпохи синкретизма и порожденных ею древних ритуальных форм до постмодернизма. В случае с Башлачевым этот путь оказался инвертирован, поэт поступательно двигался от современности в глубь веков, творчески пытаясь познать магию древнейшего праязыка. Эта постепенная поэтическая «архаизация» проявляется при анализе и пространственно-временных категорий в башлачевском тексте, и при рассмотрении субъектно-объектных отношений, и в конечном счете — в постоянном изменении функции и структуры метафоры у Башлачева.

Однако прежде чем обратиться собственно к анализу материала, необходимо разобраться, какие метафоры (и близкие к ним по сути образования) существовали на всей протяженности развития языка. Иными словами, необходимо обратиться к наработкам исторической поэтики, чтобы наметить методологическую основу, через призму которой мы и будем рассматривать диалектику башлачевской метафоры. В первой части данной

ГАВРИКОВ Виталий Александрович — кандидат филологических наук, ведущий специалист информационно-аналитического управления администрации Брянской области (E-mail: yarosvettt@mail.ru).

© Гавриков В. А., 2008